

Э. В. Кокорина

«Я ОЧЕНЬ ХОТЕЛА ТАНЦЕВАТЬ...»

Э. В. Кокорина в Англии.
1968 г.

Фото из архива АРБ
имени А. Я. Вагановой.

Эльвира Валентиновна Кокорина (р. 1932) — выпускница ЛГХУ 1950 г. (по классу А. Я. Вагановой), артистка Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1950–1972), Заслуженный деятель искусств Башкирской АССР (1985), преподаватель классического танца, методики классического танца, профессор Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой.

В середине июня 1941 года, по окончании первого класса общеобразовательной школы, родители повели меня в ЛГХУ. Сами они были против моей учебы там, но я этого очень хотела. И Леонид Ефимович Левин, преподаватель танцевального кружка, в котором я занималась, очень рекомендовал, даже настаивал показать меня.

Были настоящие вступительные экзамены, нас смотрела большая комиссия. Я тогда еще никого не знала, но предполагаю, что были Е. П. Снеткова-Вечеслова, Л. М. Тюнтина, Е. Н. Громова, М. В. Боярчикова, Л. С. Петров — все, кто потом нам преподавали. Нас осматривала врач-хирург Н. А. Дембо. А. Я. Ваганова и Н. П. Ивановский тоже присутствовали...

После экзаменов мы с мамой уехали на дачу в Петергоф. А 22 июня, когда была объявлена война, приехал папа и забрал нас обратно в Ленинград. Через несколько дней пришли сразу две повестки-приглашения на эвакуацию: из школы № 306, где я училась в первом классе (на Фонтанке, недалеко от моста Ломоносова, с палисадником на набережной), и из ЛГХУ, в которое я уже была принята.

Родители все-таки решили, что надо ехать с училищем (надеялись, что условия жизни в эвакуации там могли быть более благоприятные). 3 июля на поезде я отправилась с училищем в Кострому. Пока мы там находились, ко мне добралась мама, и путь мы продолжили вместе. Немцы продвигались все ближе и ближе. Нас на пароходе по Каме отправили в далекий тыл.

Сперва добрались до Полазны. В Полазне с нами толком не занимались, не было условий для этого: ни помещений, ни одежды, ни сил. А через год нас перевезли в Нижнюю Курью и разместили в деревянных домиках. Раньше это был Дом отдыха трудящихся, и здесь мы, первоклашки, начали серьезно заниматься классическим танцем.

Уроки классики проходили на веранде, мы немного поливали пол, а вода застывала, и льдинки образовывались. Занимались в валенках: одна нога стоит

на полу обутая, а другую вынимали из валенка и делали ею движения. На руках у нас были варежки, а чтобы пальчики были видны, у варежек отрезали кончики.

Пока была возможность в начале войны, к некоторым из нас приехали мамы из Ленинграда. Они снимали жилье у местного населения, и это, в основном, были даже не комнаты, а углы. Будучи рядом с нами, мамы старались выполнять любую работу, полезную для Школы (моя мама работала в столовой и следила за выдачей продуктов).

Помню, очень хотелось есть, и мы жевали воск от свечи, и делились им между собой. Если у кого-нибудь находился цветной карандаш, то скоблили грифель и «красили» воск, чтобы жвачка цветной была. А Евгения Петровна Снеткова-Вечеслова ходила во время урока по классу и отбирала ее у нас. Вот так мы начинали!

Потом из Нижней Курьи возили нас в Молотов. Мы, уже обученные, танцевали вальс в первом акте балета «Спящая красавица» с артистами Театра имени Кирова, а через год я уже танцевала в двойке пажиков в последнем акте. Помню, артисты к нам очень трогательно относились, особенно дирижер П. Э. Фельдт. Он сажал нас на кофры (театральные деревянные сундуки для реквизита) и рассказывал что-нибудь интересное.

Война шла, но нас постоянно тормозили и занимали различными делами: то урок, то классика, то репетиции. Благодаря педагогам, воспитателям, вожатым и старшим ребятам, мы, дети, жили очень насыщенной, динамичной жизнью, постоянно находясь в боевом духе и тонусе. Несмотря на военное время, мы не страдали!

А летом мы много двигались, были очень спортивные. У нас был замечательный педагог Борис Васильевич Соловьев. Он нас всех научил плавать, устраивал всевозможные командные эстафеты: кто-то плыл по реке, кто-то перебирался по канату над обрывом, кто-то полз под корягами, кто бежал лесом — оставлял зарубочки (отмечая маршрут), а сердце выпрыгивает, волнуешься надо быстрее передать палочку следующему! Зимой Борис Васильевич научил нас ходить на лыжах.

Вера Георгиевна Гохштейн преподавала математику и одновременно была нашей пионервожатой, — увлеченная балетом, энергичная комсомолка. Она не только учила своему предмету, но и все свободное время проводила с нами, детьми.

Э. Кокорина (фея Нежности).
Балет «Спящая красавица». 1950-е гг.
Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой

Старшие ребята, правда, жили в Молотове, но когда происходило общение, они нас очень опекали. Помню, вожатыми у нас были Люда Горошко, Татьяна Базилевская, Катя Горове, Ира Сальмонт. Они нами дружно руководили. Мы этих девочек очень любили, они для нас были просто небожителями, мы даже смотрели на них с восторгом.

Мальчишки были очень живые, озорные, хулиганистые, молодость горячая играла. Они устраивали шуточные концерты — например, Петя Апухтин, Сева Ухов, Игорь Бельский, Аскольд Макаров... танцевали «Маленьких лебедей». Представляете, в пачках, мужскими ногами делали *amboite*! Это смотрелось очень смешно.

В 1943 году произошел один потрясающий случай, который я никогда не забуду. Это было в Нижней Курье, мы играли на воздухе, на площадке. И вдруг, смотрю — идет мой папа! Я знала, что он далеко, на Ленинградском фронте, а он вдруг здесь, в военной форме, идет мне навстречу и улыбается. И я побежала к нему, еще не веря в реальность его присутствия... и, представляете, это был папа!

Он приехал, а точнее прилетел, всего на один день. Ему дали отпуск за великолепную идею: зимой невозможно трудно было брать «высотки», где окопался враг. В горку, покрытую льдом, не забраться — скользко, и немцы буквально прицельным огнем расстреливали наших... солдаты погибали тысячами. И папа придумал: на подошвы сапог набить шипы из гвоздей, и внес это предложение в Главный штаб, который находился на Дворцовой площади. По всему городу потом искали сапожников, чтобы они идею эту осуществили. За сутки тысячи пар такой обуви были готовы! Сложная высота была взята, папу представили к награде: разрешили на сутки слетать к семье. Конечно, для папы увидеться с семьей — дороже всех орденов!

Перед отлетом он успел заскочить в Училище, и те, кто был там, собрали кое-что для передачи в эвакуацию. Летели через линию фронта, рисковали, поэтому самолет сопровождали истребители. Но все прошло благополучно: все получили свои посылочки и письма, и папа был с нами сутки. А уже обратно он вез бережно собранные и подписанные кулечки с кусками сахара и хлеба для передачи родственникам в Ленинграде.

В это время наши войска уже переходили в наступление. А для меня увидеть папу, тогда, в войну, далеко от фронта, — это было невероятное переживание и потрясение... Было ощущение, что весь мир меня обнял, был взлет всех лучших

Б. В. Соловьев (1910–?). Выпускник ЛГХУ 1938 г. (педагог В. И. Пономарев). Артист Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1938–1948). Педагог ЛГХУ (1942–?). Заслуженный деятель искусств Таджикской ССР (1957). Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой

Открытие памятной доски, посвященной блокадному классу ЛХУ (АРБ имени А. Я. Вагановой, 2014). Слева направо: Э. В. Кокорина, В. Д. Романенко, Л. Н. Сафронова, ректор Академии Н. М. Цискаридзе, И. Г. Генслер, В. П. Цырулева.
Фото В. Васильев

чувств. Его появление у нас в далекой эвакуации действительно воспринималось как чудо!

Летом 1944 года Училище возвращалось обратно несколькими группами, и меня мама отправила, а сама приехала позже. С осени у нас уже начались уроки.

Я занималась у Евгении Петровны Снетковой-Вечесловой, потом у Елизаветы Николаевны Громовой и Лидии Михайловны Тюнтиной. Никто из них нам спуска не давал. Мы всё должны были уметь делать.

А когда наконец-то настал День Победы, ликованию и радости не было конца. Мы все высыпали на улицу, носились, смеялись, поздравляли друг друга и всех вокруг!